

Литрес ≡ Классика

Михаил Булгаков

ХАНСКИЙ ОГОНЬ

Михаил Афанасьевич Булгаков

Ханский огонь

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74098107

*Ханский огонь / Михаил Афанасьевич Булгаков: Литрес Классика;
Москва; 2026*

Аннотация

В центре рассказа – подмосковная княжеская усадьба «Ханская ставка», после революции превращённая в музей. Старый слуга Иона Васильевич, когда-то служивший ещё прежним хозяевам, проводит экскурсию для шумной группы туристов, среди которых выделяются двое: вызывающе ведущий себя почти голый гражданин и загадочный иностранец в золотых очках. История разворачивается вокруг столкновения прошлого и настоящего, почтения к истории и откровенного глумления над ней.

Михаил Булгаков

Ханский огонь

© «Литрес», 2026

Когда солнце начало садиться за орешневские сосны и бог Аполлон Печальный перед дворцом ушел в тень, из флигеля смотрительницы Татьяна Михайловны прибежала уборщица Дунька и закричала:

– Иона Васильич! А Иона Васильич! Идите, Татьяна Михайловна вас кличут. Насчет экскурсий. Хворающая она. Во щека!

Розовая Дунька колоколом вздула юбку, показала голые икры и понеслась обратно.

Дряхлый камердинер Иона бросил метлу и поплелся мимо заросших бурьяном пожарищ конюшен к Татьяне Михайловне.

Ставни во флигельке были прикрыты, и уже в сенцах сильно пахло йодом и камфарным маслом. Иона потыкался в полутьме и вошел на тихий стон. На кровати во мгле смутно виднелась кошка Мумка и белое заячье с громадными ушами, а в нем страдальческий глаз.

– Аль зубы? – сострадательно прошамкал Иона.

– Зу-убы... – вздохнуло белое.

– У... у... у... вот она, история, – пособолезновал Иона, – беда! То-то Цезарь воет, воет... Я говорю: чего, дурак, воешь среди бела дня? А? Ведь это к покойнику. Так ли я говорю? Молчи, дурак. На свою голову воешь. Куриный помет нужно прикладывать к щеке – как рукой снимет.

– Иона... Иона Васильич, – слабо сказала Татьяна Михайловна, – день-то показательный – среда. А я выйти не могу.

Вот горе-то. Вы уж сами пройдите тогда с экскурсантами. Покажите им все. Я вам Дуньку дам, пусть с вами походит.

– Ну что ж... Велика мудрость. Пущай. И сами управимся. Присмотрим. Самое главное – чашки. Чашки самое главное. Ходят, ходят разные... Долго ли ее... Возьмет какой-нибудь в карман, и поминай как звали. А отвечать – кому? Нам. Картину – ее в карман не спрячешь. Так ли я говорю?

– Дуняша с вами пойдет – сзади присмотрит. А если объяснений будут спрашивать, скажите, смотрительница заболела.

– Ладно, ладно. А вы – пометом. Доктора – у них сейчас рвать, щеку резать. Одному так-то вот вырвали, Федору орешневскому, а он возьми да и умри. Это вас еще когда не было. У него тоже собака выла во дворе.

Татьяна Михайловна коротко простонала и сказала:

– Идите, идите, Иона Васильич, а то, может, кто-нибудь и приехал уже...

* * *

Иона отпер чугунную тяжелую калитку с белым плакатом:

УСАДЬБА-МУЗЕЙ
ХАНСКАЯ СТАВКА

Осмотр по средам, пятницам и воскресеньям
от 6 до 8 час. веч.

И в половине седьмого из Москвы на дачном поезде приехали экскурсанты. Во-первых, целая группа молодых смеющихся людей человек в двадцать. Были среди них подростки в рубашках-хаки, были девушки без шляп, кто в белой матросской блузке, кто в пестрой кофте. Были в сандалиях на босу ногу, в черных стоптанных туфлях; юноши в тупоносых высоких сапогах.

И вот среди молодых оказался немолодой лет сорока, сразу поразивший Иону. Человек был совершенно голый, если не считать коротеньких бледно-кофейных штанишек, не доходивших до колен и перетянутых на животе ремнем с бляхой «1-е реальное училище», да еще пенсне на носу, склеенное фиолетовым сургучом. Коричневая застарелая сыпь покрывала сутуловатую спину голого человека, а ноги у него были разные – правая толще левой, и обе разрисованы на голених узловатыми венами.

Молодые люди и девицы держались так, словно ничего изумительного не было в том, что голый человек разъезжает в поезде и осматривает усадьбы, но старого скорбного Иону голый поразил и удивил.

Голый между девушек, задрав голову, шел от ворот ко дворцу, и один ус у него был лихо закручен и борода подстрижена, как у образованного человека. Молодые, окружив Иону, лопотали, как птицы, и все время смеялись, так что Иона совсем запутался и расстроился, тоскливо думая о

чашках, и многозначительно подмигивал Дуньке на голого. У той щеки готовы были лопнуть при виде разноногого. А тут еще Цезарь, как на грех, явился откуда-то и всех пропустил беспрепятственно, а на голого залаял с особенной хриплой, старческой злобой, давясь и кашляя. Потом завыл – истошно, мучительно.

«Тьфу, окаянный, – злобно и растерянно думал Иона, косясь на незваного гостя, – принесла нелегкая. И чего Цезарь воеет. Ежели кто помрет, то уж пушай этот голый».

Пришлось Цезаря съездить по ребрам ключами, потому что вслед за толпой шли отдельно пятеро хороших посетителей. Дама с толстым животом, раздраженная и красная из-за голого. При ней девочка-подросток с заплетенными длинными косами. Бритый высокий господин с дамой красивой и подкрашенной и пожилой богатый господин-иностранец, в золотых очках колесами, широком светлом пальто, с тростью. Цезарь с голого перекинулся на хороших посетителей и с тоской в мутных старческих глазах сперва залаял на зеленый зонтик дамы, а потом взвыл на иностранца так, что тот побледнел, попятился и проворчал что-то на не известном никому языке.

Иона не вытерпел и так угостил Цезаря, что тот оборвал вой, заскулил и пропал.

– Ноги о половичок вытирайте, – сказал Иона, и лицо у него стало суровое и торжественное, как всегда, когда он входил во дворец. Дуньке шепнул: «Посматривай, Дунь...» – и отпер тяжелым ключом стеклянную дверь с террасы. Белые боги на балюстраде приветливо посмотрели на гостей.

Те стали подыматься по белой лестнице, устланной малиновым ковром, притянутым золотыми прутьями. Голый оказался впереди всех, рядом с Ионой, и шел, гордо попирая босыми ступнями пушистые ступени.

Вечерний свет, смягченный тонкими белыми шторами, сочился наверху через большие стекла за колоннами. На верхней площадке экскурсанты, повернувшись, увидели пройденный провал лестницы, и балюстраду с белыми статуями, и белые простенки с черными полотнами портретов, и резную люстру, грозящую с тонкой нити сорваться в провал. Высоко, улетаю куда-то, вились и розовели амуры.

– Смотри, смотри, Верочка, – зашептала толстая мать, – видишь, как князья жили в нормальное время.

Иона стоял в сторонке, и гордость мерцала у него на бритом сморщенном лице тихо, по-вечернему.

Голый поправил пенсне на носу, осмотрелся и сказал:

– Растрелли строил. Это несомненно. Восемнадцатый век.

– Какой Растрелли? – отозвался Иона, тихонько кашля-

нув. – Строил князь Антон Иоаннович, Царствие ему Небесное, полтора ста лет назад. Вот как, – он вздохнул. – Прапрапрадед нынешнего князя.

Все повернулись к Ионе.

– Вы не понимаете, очевидно, – ответил голый, – при Антоне Иоанновиче, это верно, но ведь архитектор-то Растрелли был? А во-вторых, Царствия Небесного не существует и князя нынешнего, слава богу, уже нет. Вообще, я не понимаю, где руководительница?

– Руководительша, – начал Иона и засопел от ненависти к голому, – с зубами лежит, помирает, к утру кончится. А насчет Царствия – это вы верно. Для кой-кого его и нету. В Небесное Царствие в срамном виде без штанов не войдешь. Так ли я говорю?

Молодые захохотали все сразу, с треском. Голый заморгал глазами, оттопырил губы.

– Однако, я вам скажу, ваши симпатии к Царству Небесному и к князьям довольно странны в теперешнее время... И мне кажется...

– Бросьте, товарищ Антонов, – примирительно сказал в толпе девичий голос.

– Семен Иванович, оставь, пускай! – прогудел срывающийся бас.

Пошли дальше. Свет последней зари падал сквозь сетку плюща, затянувшего стеклянную дверь на террасу с белыми вазами. Шесть белых колонн с резными листьями вверх

ху поддерживали хоры, на которых когда-то блестили трубы музыкантов. Колонны возносились радостно и целомудренно, золоченые легонькие стулья чинно стояли под стенами. Темные гроздья кенкетов глядели со стен, и, точно вчера потушенные, были в них обгоревшие белые свечи. Амуры вились и заплетались в гирляндах, танцевала обнаженная женщина в нежных облаках. Под ногами разбегался скользкий шашечный паркет. Странна была новая живая толпа на чернополосных шашках, и тяжел и мрачен показался иностранец в золотых очках, отделившийся от групп. За колонной он стоял и глядел зачарованно вдаль через сетку плюща.

В смутном говоре зазвучал голос голого. Повозив ногой по лоснящемуся паркету, он спросил у Ионы:

– Кто паркет делал?

– Крепостные крестьяне, – ответил неприязненно Иона, – наши крепостные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.